

Роль теории литературы в развитии читательских компетенций у школьников на уроке литературы

Харитонов Олег Сергеевич

Учитель русского языка и литературы

МБОУ СОШ № 9 г. Лобня.

На уроках литературы нам приходится учить детей ловить неуловимое и обнимать необъятное. Другими словами, расчленять сложную органику художественного текста с помощью рациональных категорий и операций. Создание творческой стихии приходится распихивать по полочкам. И, как правило, это не обходится без огромного множества допущений и условностей. Но без такого подхода урок литературы превращается в посиделки и разговоры по душам, а смысловое содержание произведения трактуется крайне произвольно, субъективно и пристрастно. А этого нельзя допустить! Что же позволяет дисциплинировать мышление читателя-школьника при знакомстве с литературой? Правильно. Основы теории литературы.

Из личного опыта. Например, когда мы изучали с 9 классом «Героя нашего времени», одному парню – «головасту» - было сложно объяснить, что главы в романе расположены не в прямой хронологической последовательности, а «перетасованы» так, чтобы от главы к главе всё глубже раскрывался характер Печорина. «Как это не в прямой последовательности? – возмутился он. – Если Лермонтов так расположил, значит это и есть прямая последовательность! Как мы можем судить о том, чего не видим?» Я ему слово - он мне десять. Всё идёт не по сценарию, урок буксует. Конец демагогии наступил тогда, когда пришлось объяснить различие между сюжетом и фабулой. И тогда-то у него в голове всё встало на место. Так введение этих терминов приводит в порядок логику анализа произведения.

Разумеется, важно не только разграничение сюжета и фабулы в эпическом произведении. Выделение этапов развития сюжета, композиционных элементов, образной системы, поиск значения конкретного построения композиции – неотъемлемые задачи при анализе художественного текста. Ещё Мария Александровна Рыбникова писала: «Что мы разумеем под элементами логики на уроках литературы? Установление причинно-временной связи событий в произведении, осознание органических связей всех сцен и всех героев произведения между собой – это тот путь, по которому должен идти ученик, руководимый учительским «почему?» [Рыбникова М.А. Очерки по методике литературного чтения. 1963. Стр. 8].

Так, например, при разборе «Муму» имеет смысл нарисовать с детьми образную систему, которая получается примерно такой.

И на вопрос: какая связь в этой схеме оказывается самой крепкой? – дети отвечают неизменно: между Герасимом и Муму. Так почему же рвётся именно она? Этот вопрос заменяет долгие рассуждения о привязанности собаки и хозяина друг к другу, о несправедливом отношении барыни и равнодушии окружающих к Герасиму и делает проблематичность всей созданной Тургеневым картины очевидной, тем самым подталкивает школьников к пониманию глубочайшей проблематики произведения. Так визуализация, основанная на методах структуральной поэтики (спасибо Ю.М. Лотману), вытягивает урок из болота «размышлизмов» и ставит на твёрдую почву анализа.

Но, конечно, венец литературной неосязаемости – стиль. Обычно школьники понимают, что это такое, но объяснить не могут. Манера письма? А это что означает? Тишина. И тогда можно разобрать два разных фрагмента, но повествующих, казалось бы, об одном и том же. К примеру, экспозиции рассказа И.С. Шмелёва «Как я стал писателем» и очерка В.Г. Короленко «Парадокс». И там, и там почти одинаковая ситуация – ребёнок играет наедине с собой.

<p><i>Живы во мне донныне картинки детства, обрывки, миги. Вспомнится вдруг игрушка, кубик с ободранной картинкой, складная азбучка с буквой, похожей на топорик или жука, солнечный луч на стенке, дрожащий зайчиком... Ветка живой березки, выросшей вдруг в кроватке у образа, зеленой такой, чудесной. Краска на дудочке из жести, расписанной ярко розами, запах и вкус ее, смешанный с вкусом крови от расцарапанной острым краем губки, черные тараканы на полу, собравшиеся залезть ко мне, запах кастрюльки с кашкой... Боженька в уголке с лампадкой, лепет непонимаемой молитвы, в которой светится «деворадуйся»...</i></p>	<p><i>Середину этого пространства, ограниченного с двух сторон палисадником и деревьями сада, а с двух других пустыми стенами сараев, оставлявшими узкий проход, занимала большая мусорная куча. Стоптаный лапоть, кем-то перекинутый через крышу сарая, изломанное топорище, побелевший кожаный башмак с отогнувшимся кверху каблуком и безличная масса каких-то истлевших предметов, потерявших уже всякую индивидуальность, — нашли в тихом углу вечный покой после более или менее бурной жизни за его пределами... На вершине мусорной кучи валялся старый-престарый кузов какого-то фантастического экипажа... Это был какой-то призрачный обломок минувших времен, попавший сюда, быть может, еще до постройки окружающих зданий и теперь лежащий на боку с приподнятой кверху осью, точно рука без кисти, которую калека показывает на паперти, чтобы разжалобить добрых людей. На единственной половинке единственной дверки сохранились еще остатки красок ... Остальное все распалось, растрескалось, облупилось и облезло в такой степени, что уже не ставило воображению никаких прочных преград; вероятно, поэтому старый скелет легко принимал в наших глазах все формы, всю роскошь и все великолепие настоящей золотой кареты.</i></p>
---	---

Обучающимся дано было задание проанализировать предметный мир, оценочные слова, эмоциональную тональность речи, средства худ. выразительности и т. д. вплоть до суффиксов и постфиксов. И вот когда ученики сфокусировали своё внимание на этих задачах, то выявили следующее:

<i>Текст И.С. Шмелёва</i>	<i>Текст В.Г. Короленко</i>
<p>1. Предметный мир: <i>игрушка, кубик, складная азбучка, солнечный луч, ветка березки, дудочка, губка, тараканы, кастрюлька с кашкой, лампадка, молитва.</i></p> <p>2. Средства худ. Выразительности. <u>Сравнения</u>: <i>буква, похожая на топорик или жука, солнечный луч на стенке, дрожащий зайчиком.</i> <u>Метафора</u>: <i>светится «деворадуйся».</i></p> <p>3. <u>Эпитет</u>: <i>живая берёза.</i></p> <p>4. Ведущие оттенки значений (ассоциации): <u>жизнь</u> (<i>живы</i> доньше), <u>чудо</u> (<i>чудесная ветка, светится «деворадуйся»</i>), <u>насыщенность</u> (<i>ярко, запах, вкус, чёрный</i>), <u>радость</u> («деворадуйся»), <u>таинственность</u> (<i>лепет непонимаемой молитвы</i>).</p> <p>5. Часто встречающиеся морфемы – уменьшительно-ласкательные суффиксы: <i>кубик, складная азбучка, дудочка, губка, кастрюлька с кашкой, лампадка, Боженька.</i></p> <p>6. Основная</p>	<p>1. Предметный мир: сарай, мусорная куча, стоптанный лапоть, изломанное топорище, башмак с отогнувшимся каблуком, безличная масса предметов, старый-престарый кузов, ось.</p> <p>2. Средства худ. выразительности. <u>Метафоры</u>: <i>предметы, потерявшие индивидуальность, нашли вечный покой после бурной жизни, призрачный обломок</i> минувших времён, <i>старый скелет.</i> <u>Эпитеты</u>: <i>безличная масса, призрачный обломок</i> минувших времён, <i>нашли вечный покой после бурной жизни, фантастический экипаж.</i> <u>Сравнение</u>: <i>точно рука без кисти, которую калека показывает на паперти, чтобы разжалобить добрых людей.</i> <u>Повтор</u>: <i>на единственной половине единственной дверки, старый-престарый кузов.</i></p> <p>3. Наблюдения над словообразованием, грамматикой и отношением говорящего к высказыванию (модальность). Встречается постфикс то, а вместе с ним и неопределённые местоимения: <i>кем-то, каких-то, какого-то</i>, - отрицательное – <i>никаких</i>, - определительные: <i>других, весь</i> (в различных формах: <i>всё, все, всю</i>). Модальность неуверенности: <i>быть может, вероятно, более или менее</i> (не является модальным словом, но выражает неопределённость).</p>

<p>эмоциональная тональность – душевное тепло, которое испытывает герой при воспоминании о детстве.</p> <p>Вывод: мир, созданный Шмелёвым, наполнен чудом, жизнью, теплом, пронизан смыслом; герой испытывает умиление и благоговение перед благодатным миром детства.</p>	<p>4. Ведущие оттенки значений (ассоциации): распад (<i>все распалось, растрескалось, облупилось и облезло</i>), тление (<i>старый скелет, масса каких-то истлевших предметов</i>), конечность (<i>нашли в тихом углу вечный покой</i>), ограниченность (<i>пространство, ограниченное с двух сторон, узкий проход</i>), неполноценность (<i>стоптанный лапоть, изломанное топорище, побелевший кожаный баширек, обломок минувших времен</i>).</p> <p>5. Основная эмоциональная тональность – скука, наблюдательная настороженность.</p> <p>Вывод: мир, созданный Короленко, пронизан мыслью о тленности, конечности жизни, отрицанием, неопределённостью, неполноценностью; в создании этого мира много философичности и горечи, тревожного предчувствия, сознания пустоты и ущербности красоты, потому что она скоро истлеет</p>
---	--

Таким образом, школьники на практике могут прийти к тезису, что *стиль – это мироощущение автора, воплощённое в речи*. Разумеется, выделение средств художественной выразительности или привлечение методов лингвистического анализа текста ещё не позволяют ученику изучить идиостиль писателя, но это лишь определённый этап в анализе текста. Мышление реципиента дисциплинируется, а его ощущение текста, «слышание» авторского голоса становятся более чуткими и тонкими, логически мотивированными и организованными операциями. Расщепляя текст на такие значимые единицы, школьник начинает понимать их взаимосвязь, их функцию в едином органическом целом, одухотворённом авторской идеей. И поэтому готов различать более тонкие явления, имеющие материальную реализацию в оттенках значений (микросемах) слов, – подтексты, намёки, недосказанности, ассоциации, эмоциональную тональность, контрасты, подобия и проч. Так

школьник начинает открывать для себя в построении речи героя-рассказчика воплощение авторской концепции.

Кого мы хотим воспитать на уроках литературы? Компетентного читателя, способного к сложному рациональному постижению художественной словесности. А инструментарий для такого постижения дарит теория литературы.